

УДК. 94 (470.62)+94(470.620)+94(470.61)Крым (091)“08/16”(035.3)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00035

М.В. Моисеев

**ЛЮДИ ПОГРАНИЧЬЯ
(РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: СЕНЬ Д.В. 2020. РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКОЕ
ПОГРАНИЧЬЕ: ПРОСТРАНСТВО, ЯВЛЕНИЯ, ЛЮДИ (КОНЕЦ XVII—XVIII В.):
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. РОСТОВ-НА-ДОНУ: АЛЬТАИР)***

В рецензии анализируется монография профессора Южного федерального университета Д.В. Сенья, в которой были опубликованы статьи разных лет, а также специально написанные для этой книги очерки. В центре исследования находятся люди пограничья, те изменения, которые происходили на Юге России в то время, когда в этом регионе начал устанавливаться новый пограничный порядок и меняться политическая ситуация. Исследователь рассматривает эти изменения с позиции гетерогенности и мозаичности самой пограничной жизни. Автор выносит на научную дискуссию ряд тезисов, среди которых — тезис о непредрежденности судьбы Крымского ханства. Исследователь обозначил ряд перспективных направлений для дальнейших исследований, которые позволят нам значительно более четко рассмотреть местные процессы и их влияние на политику великих государств.

Ключевые слова: рецензия, пограничье, новый пограничный порядок, Азов, казаки, плен, работорговля, «ахреяне».

Сведения об авторе: Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, Музей Москвы, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Контактная информация: 119021, Россия, Москва, Зубовский бул., 2, Музей Москвы; e-mail: maksimoiseev@yandex.ru.

M.V. Moiseev

**THE PEOPLE OF THE BORDERLAND
BOOK REVIEW: SEN', D.V. 2020. RUSSIAN-CRIMEAN-OTTOMAN BORDERLAND:
AREAS, PHENOMENA, PEOPLE (ENDING OF THE XVII—XVIII CENTURIES).
ROSTOV-ON-DON: AL'TAIR**

The review analyzes the monograph of Professor of the Southern Federal University D.V. Sen', in which articles from different years were published, as well as essays specially written for this book. The study focuses on the people of the borderlands, the changes that took place in the South of Russia at a time when a new border order was being established in this region and the political situation was changing. The researcher considers these changes from the perspective of heterogeneity and mosaic of the borderline life itself. The author presents a number of theses for scientific discussion, including the thesis about the non-certainty of the fate of the Crimean Khanate. The researcher identified a number of promising areas for further research, which would allow us to consider much more clearly local processes and their impact on the politics of great states.

Key words: review, borderland, new border order, Azov, Cossacks, captivity, slave trade, "Akhreyans".

---

* Статья поступила в номер 21 декабря 2020 г.
Принята к печати 30 декабря 2020 г.

About the author: Moiseev Maksim Vladimirovich, PhD (History), Museum of Moscow, Novosibirsk State University.

Contact information: 119021, Russia, Moscow, 2 Zubovskiy Blvd., Museum of Moscow; e-mail: maksimoiseev@yandex.ru.

Проблема освоения Россией тех пространств, которые и сейчас являются ее государственной территорией, сохраняет до сих пор свою научную значимость. Исследователи пытаются решить ее, применяя различные методики, и новая книга ростовского исследователя Д.В. Сеня не представляет собой исключения. Автор построил свою работу, отказавшись от оптики «высоких кабинетов», и решил присмотреться к тому, что же происходило непосредственно на месте, где реализовывался государственный интерес. Эта идея оказалась весьма продуктивной, и перед взором читателя предстали местные администраторы, толмачи, различные местные сообщества и их элиты, все те, кого можно смело назвать людьми пограничья. Их взаимоотношения, коммуникативные и деловые связи создавали особый неповторимый мир, в котором протекала своя жизнь почти неразличимая из царских или султанских покоев.

Большой научный интерес представляет и «серая зона» перехода из «православного казака» в «ахреяна» и последующее функционирование этого сообщества и отношение к нему как местных групп, так и центральных правительств. Все эти задачи автор поставил и последовательно решает в рамках избранного подхода.

Архитектура книги представляется логичной и сбалансированной. В первом разделе автор рассматривает историю русского Азова, деятельность местной администрации, реакцию местного населения, коммуникативные практики и работу толмачей и переводчиков. Во втором разделе, исследуются вопросы формирования новых границ, смены подданства и вызванные этим миграционные процессы, а также плен и работорговлю. В заключительном разделе в оптику историка попало военное лидерство. Здесь Д.В. Сень анализирует деятельность кубанское казачество, лидеров казаков-старообрядцев, львиная часть раздела посвящена крымскому султану Бахты-Гирею. К сожалению, в книге нет заключения, в котором автор бы подвел некоторый итог своим штудиям. В книге проанализировано значительное число источников, фактов, событий и это тоже требовало заключения, в котором бы автор объяснил свое видение сложных процессов протекавших в южном пограничье в конце XVII—XVIII вв.

Продвижение Московского государства вглубь степной зоны увенчалось завоеванием Азова в 1696 г. и вызвало серьезные изменения в сложившейся до этого конфигурации сил¹. Теперь и казакам, и ногаям, и нонконформистским группам христиан—староверов, и крымцам приходилось искать способы сохранения своего положения и хозяйственной жизни. Для этого надо было сначала решить свое отношение к новому центру силы, а затем и начать выстраивать свою политику. Ясно, что для староверов наступали тяжелые времена, и для них единственной приемлемой стратегией стало максимальное дистанцирование от русских властей и уход под покровительство Крымского ханства и Османской империи. Однако для остальных групп ответ не был столь очевиден. Д.В. Сень показывает тревогу и метания кубанских ногаев, обращение их к российским властям за подданством. Впрочем,

---

¹ Еще в османскую эпоху Азак (Азов) стал местом притяжения различных вольных сообществ у которых выстраивались многогранные взаимоотношения с местной администрацией (Мустакимов, Сень 2010: 307—326; Мустакимов, Сень 2012: 172—189; Мустакимов 2018: 110—115; Моисеев 2019b: 28—39).

после заключения Константинопольского мира ногайцы переходят к вооруженному сопротивлению новому пограничному порядку (Сень 2020: 25—35).

Конфликты, урегулирование их последствий, поддержание мира в Азовско-Черноморском регионе приводили к интенсификации контактов между русским воеводой Азова и представителями местных сообществ и региональных османских и ханских властей. Все это требовало наличие персонала, обладающего достаточной языковой компетенцией. Однако с этим возникли проблемы, так как не всегда региональные власти могли себе позволить роскошь иметь в своем аппарате высококвалифицированных переводчиков. При этом для налаживания контактов друг с другом и разрешения острых конфликтных ситуаций, возникавших в пограничье, местные элиты регулярно обменивались посланиями и гонцами, которые рисковали остаться не прочитанными и не услышанными (Сень 2020: 90—92). Раньше всего азовским властям удалось решить проблему с устным переводом, а вот решение проблемы письменного перевода при отсутствии специалиста удалось решить путем неожиданной коллаборации. Например, в феврале 1700 г. послание Гази-Гирея переводил «турченин» Ибрахим, а толмачил казак Максим Иванов и это не единичный пример. Д.В. Сень пишет, что ему «неоднократно встречались примеры того, что письмо, написанное, скажем, на османо-турецком языке, зачитывал человек, им владевший, а переводил на русский язык — другой человек, воспринимавший на слух содержание документа»² (Сень 2020: 99—100). В конечном счете, русские власти в Азове решили проблему коммуникации, используя все доступные ресурсы: пленных турок, местных полиглотов и специалистов, присланных из столицы. Исследователю удалось уточнить наши сведения о составе группы переводчиков и толмачей, направленных из Посольского приказа в Азов. Показано, что постепенно формировался круг лиц, регулярно привлекавшихся к службе в этом далеком южном форпосте царства. Д.В. Сень вполне аргументировано показывает, что хотя в конце XVII в. ситуация с переводчиками была неудовлетворительной, но все же переводчики были, а уже в начале XVIII в. ситуация заметно улучшилась (Сень 2020: 116—117).

На рубеже XVII—XVIII вв. в Азовско-Черноморском регионе изменилась политическая ситуация, завоевание русскими Азова, мирный договор между Османской империей и Российским царством привели к формированию нового пограничного порядка. Введение линейных границ разрушало сложившийся порядок и угрожало экономическим и властным интересам местных элит. В этих условиях остро встал вопрос о перспективах дальнейшего существования Крымского ханства. Известно, что для российской исторической науки со времен В.Д. Смирнова ответ однозначен: судьба ханства предрешена, возможность его сохранения на политической карте Европы отсутствовала. Д.В. Сень оспаривает этот тезис. Он обращает внимание на тот факт, что до сих пор нет сквозной периодизации истории Крымского ханства. Этот факт, по мнению автора, означает отсутствие в научном сообществе понимания направлений развития этого государства, основных этапов и тенденций. Именно поэтому он в целях «моделирования» будущей дискуссии предлагает «рассмотреть события конца XVII — начала XVIII в. как часть более заметного периода, охватывающего 1681—1700 гг.», так как это «переломный этап в истории Крымского ханства (от Бахчисарайского договора до Константинопольского договора), в ходе которого

---

² От себя замечу, что подобная практика встречалась и раньше и свойственна не только российской власти. В 1570 г. с этой же проблемой столкнулся азовский дездар Джафер. У него в аппарате не было специалиста, способного прочитать и перевести кириллический русский текст. Проблема была решена аналогичным способом. Грамоту читал толмач русского посольства, а записывал на тюрки азовский чиновник (Моисеев 2019а: 63).

существенно ухудшилось международное положение Крымского ханства» (Сень 2020: 123). Организация границ европейского типа ощущалась подданными Гиреев как переломный момент истории их государства. Новый пограничный порядок, несовпадение внешнеполитических интересов Стамбула и Бахчисарая, нежелание Османской империи вмешиваться в русско-крымские конфликты и остановить продвижение русских в низовья Днепра и в Северо-Восточное Приазовье — все это вынуждало крымских ханов верифицировать свои международные контакты и даже искать новых сюзеренов. В частности, Девлет-Гирей II в начале XVIII в. «несколько раз инициировал переговоры о переходе Крыма в российское подданство» (Сень 2020: 125). Даже если это был способ шантажа османского падишаха, само такое обращение к московскому царю фиксировало недовольство османской политикой, так как ханство Стамбул последовательно выдавливал ханство из европейской политики (Сень 2020: 127). Верификация международных контактов проявилась в поиске новых альянсов. Крымские ханы начали переписку со Швецией и с Запорожской Сечью. В этом же русле находились и дипломатические контакты 1670—80-х гг. с Датским королевством (Абдужимилев 2020а: 180—210; Абдужимилев 2020б: 185—215). Хотя, конечно, скандинавское направление политики Крымского ханства вряд ли могло иметь серьезные политические последствия. Заметно более существенным было «запорожское» направление. Д.В. Сень отметил усиление в этих двусторонних отношениях тенденции на развитие «мирных взаимоотношений, объединения перед угрозой со стороны более сильного внешнего врага» (Сень 2020: 128). В целом, в Азовско-Черноморском регионе сложилась сложная и запутанная картина отношений. Представители Османской империи и России выстраивали новый тип отношений, перекраивая свои владения на новый лад. Крымский хан и аристократия в этих условиях старалась наладить контакты с новыми азовскими властями по вопросам пограничного сотрудничества. Подданные же Гиреев, по интересам которых эти новые правила игры нанесли существенный удар, «активно сопротивлялись новым российско-османским механизмам контроля над степным порубежьем, стремясь различными путями либо нарушать новые границы, либо вовсе противодействовать их устроению» (Сень 2020: 128—129). В целом, автор признает, что набеговая система Крымского ханства «без поддержания которой» власть ханов «теряла огромную ресурсную базу» находилась в системном кризисе (Сень 2020: 133—134). Вопрос о том, могло ли лавирование Гиреев решить эту проблему и дать перспективу дальнейшему сохранению Крымского ханства, автор оставляет открытым. Можем полагать, что историк приглашает коллег к дискуссии и к дальнейшему изучению этой проблемы в условиях отказа от тезиса о предопределенности судьбы государства Гиреев. Это решение следует признать плодотворным. Остается только ожидать ответа от коллег на это любезное приглашение.

Интересной для изучения представляется такая группа пограничного населения, как «ахреяне», и автор вполне закономерно уделил ей свое внимание. «Ахреян» Д.В. Сень исследует в парадигме образа «чужого», стараясь определить смысловое наполнение этого термина. Исследователь установил, что словоупотребление этого обозначения менялось, «пройдя путь от маркирования лиц, переходивших в мусульманство, до обозначения конкретных (не всех!) групп «изменников», бежавших из России в «область турецкого царя» и в земли, подвластные крымским ханам (Сень 2020: 167—168). Показана интенсивность употребления этого термина в делопроизводстве как центральных органов власти, так и местных. Исследователь отмечает существенное влияние именно приказной среды в появлении самого понятия «ахреяне». Весьма любопытно отношение именно местных сообществ к этой группе изменников сначала вере, а потом и православному царю. Ведь они не отличались, например, от донских казаков ни внешне, ни по языку, лишая их тем самым

даже малейшей безопасности, которую могло даровать отличие в одежде и тем более в языке. Как известно, это те самые отличия, которые можно отнести к базовым, которые надежно маркировали в эпоху средневековья и нового время «своих» и «чужих». Легко представить с какой легкостью «ахреяннин» мог выведать у казаков их планы, подъехать к ним, усыпить бдительность и совершить нападение (Сень 2020: 36—50, 153—154, 170—186). Поэтому легко понять практику смертной казни, которую казаки применяли к пленным «ахреянам», хотя не всех их Войско Донское карало смертью, могли и обрить налысо. По мнению Д.В. Сень, это маркировало их как «чужих» и приводило к поражению в правах (Сень 2020: 152). Однако можно полагать, что это все же было не просто маркирование, а именно наказание, которое стигматизировала «ахреяна», выталкивая его из «правильного» общества, превращая в маргинала. Интересно, имело ли это наказание ограничение по срокам или было бессрочным, до конца жизни? Жаль, что автор не пояснил этот момент в тексте. Д.В. Сень пишет, что средой, активно использовавшей этот термин, был приказный люд региональных приказных изб, которые ставили цель дополнительно заклеить казаков-изменников (Сень 2020: 160—161). Настаивая на том, что именно приказные активно использовали это слово, исследователь не согласен с тем, что они его употребляли в некоем «пропагандистском угаре», желая дополнительно заклеить эту социальную группу. Если бы дело было только в этом, то термин «ахреяне» применялся бы максимально широко. Но Д.В. Сень последовательно указывает, что так называли далеко не всех изменников, а только конкретные группы (Сень 2020: 167). Следовательно, мы здесь имеем дело с более сложным явлением, чем простое инвертирование отступников от закона. Что же это тогда, если не брань?

Не стоит забывать, что в XVI—XVII вв. происходил процесс выработки понятийного русского языка, с помощью которого описывали усложняющуюся реальность. Воеводы порубежных городов вели активную переписку не только с центром, но и друг с другом, а также с властями приграничных иностранных городов. Весь комплекс местной политики этих воевод (астраханских, терских, сибирских и др.) можно определить как малую или пограничную дипломатию. В своих посланиях в Москву воеводы обрисовывали местную ситуацию, используя нормативный, признанный описательный язык. Вместе с тем в воеводских канцеляриях откладывались отписки местных сборщиков ясака, караульных, разведчиков в которых сохранялся интереснейший массив данных, который может рассматриваться как предтеча русской этнографии. В конечном итоге именно провинциальные власти оказались создателями традиций народоописания, которые в XVIII веке были пересмотрены, но все-таки стали той базой, на которой появилась российская этнография. Приказной же люд этих провинциальных изб использовал уже имевшие слова, но наполнял их дополнительным смыслом. Более того, складывалась практика фрагментирования до этого единого понятия. Так, к примеру, астраханские воеводы во второй половине XVI в. слабо различали местное население, описывая его обобщенно как татар (Moiseev 2021). В XVII в. ситуация изменилась. Все татарское население (с точки зрения русского воеводы князя Д.П. Лопаты-Пожарского (Акты исторические 1841: 422)) делится на три группы. Первая группа — «иштерековы ногаи», ногаи Большой Ногайской орды, которые временно оказались в городе. Вторая группа — юртовские татары, пришлый элемент, они живут в Астрахани не «изстари». Третья группа — старые татары, которые составляли коренное ядро астраханского населения. Следовательно, воевода дал вполне корректное описание сложной этнической картины, сложившейся в Нижнем Поволжье. И описывает он ее посредством трех терминов, а именно: «иштерековы ногаи», юртовские татары и старые татары. Так что в русской мысли к началу XVII в. уже был сформирован

понятийный аппарат, более точный, чем на рубеже XV—XVI в., хотя ему еще далеко до отточенной аналитики последующих столетий. Следовательно, и в случае с «ахреями» мы можем столкнуться с тем же самым процессом. Приказным было необходимо разграничить местные сообщества, а для этого им было нужно для каждого из них подобрать слова—маркеры. И здесь пригодился термин «агаряне», которым в форме «ахреями» стали сначала называть ренегатов, а затем и религиозных неконформистов, которые жестко держались старой веры и предпочитали подданство мусульманским правителям, а не православному царю.

Было бы крайне интересно выяснить, на какие группы изменников этот термин не распространялся. А пока из текста Д.В. Сень можно сделать вывод о его конфессиональном характере, что им описывали общности ренегатов и христиан старого обряда, переходивших в подданство мусульманам. В любом случае, «ахреямская» проблема заслуживает монографической разработки. Тем более что исследователь показал не только ее важность, но и источниковую обеспеченность.

Нельзя не отметить и проблемы плена и работорговли на южном пограничье. Надо сказать, что плен и работорговля в последнее время вызывает устойчивый исследовательский интерес (Жуков 2012: 31—43; Зайцев 2014: 171—173; Кизилев 2016: 124—131; Kizilov 2005: 211—235; 2007a: 1—31; 2007b: 189—210; 2017: 103—116; 253—267; Matsuki 2006: 171—182; Kołodziejczyk 2006: 149—159; Ivanics 2007: 193—217; Yaşa 2019: 433—443). Ученые пришли к выводу, что это было широко распространенное явление и совсем не ограничивается кочевыми и горскими сообществами. В этих процессах принимало активное участие и христианское население пограничья и царские служилые люди и администраторы. До русского покорения Азова работорговля составляла заметную часть бюджета местных сообществ, вокруг этого вопроса выстраивались коммуникационные сети, центры притяжения. С усилением контроля центральной власти ситуация начала постепенно меняться. Естественным образом азовские власти постарались перехватить и замкнуть на себе переговорный процесс, лишая тем самым донских атаманов части власти и доходов. Все это воспринималось как наступление на привилегии Войска Донского, хотя из кремлевской перспективы это выглядело как установления закона и порядка. Д.В. Сень справедливо пишет, что этим процессом была особенно недовольна войсковая верхушка, «традиционно контролировавшая пограничные связи донцов с ногайцами, ..., в сфере торговых связей и, конечно, работорговли» (Сень 2020: 175). Впрочем, как воеводская администрация ни старалась взять под контроль эту сферу отношений, она никак не могла добиться поставленной цели, так как в работорговлю включались все новые участники. Так, например, в конце XVII в. к ней подключились казаки-старообрядцы (Сень 2020: 179). Любые попытки жесткого изменения правил игры могли спровоцировать бунт и отток населения из подданства русскому царю. Поэтому неудивительно, что «пограничные власти ... старались не доводить до крайности ситуации с разменом пленников и возвратом награбленного» (Сень 2020: 178). В конечном итоге, в пограничье создавалась серая зона, на которую центральные власти могли оказывать ограниченное влияние. Как верно отмечает автор, «плен, рабство и выкуп отражали многие стороны жизни на южном пограничье, активно развивавшиеся местными сообществами до появления здесь так называемых линейных границ. Работорговля долгое время относилась к традиционным занятиям местного полиэтничного населения, активно взаимодействовавшего друг с другом» (Сень 2020: 185). Модерные государства в рамках реализации своих государственных идей и программ, перейдя к внедрению в южном порубежье нового пограничного порядка, начали разрушать сложившиеся здесь традиционные практики коммуникации и экономические занятия.

Процесс этот вызывал сопротивление, побуждая государственные элиты к переговорам и снижению напора, однако потом они опять возвращались к новым управленческим практикам. Эти колебания составят заметную часть истории южного пограничья в XVIII в.

Итак, предлагаемая вниманию читателя книга профессора Южного федерального университета Д.В. Сень является важным итогом развития донской историографии. Ученый удачно развив традиционные для науки юга России темы, вывел ее на новый уровень. Сама проблематика пограничной дипломатии задает новую оптику, в которой местные сообщества приобретают новый объем, а решения центральных властей ясность. Автору удалось показать, что имперская политика не имела линейного победоносного характера, когда волей-неволей приходилось учитывать сложность и мозаичность региональной картины, и местные сообщества оказывали на нее влияние. Региональные администраторы были вынуждены вырабатывать тонкие управленческие практики и сложный описательный язык, и все это оказывало влияние на выработку решений центральной власти. Исследователь обозначил ряд перспективных направлений для дальнейших исследований, которые позволят нам значительно четче рассмотреть местные процессы и их влияние на политику великих государств. Вне всякого сомнения, эта книга окажет влияние на дальнейшие исследования и вызовет содержательную дискуссию, которая приведет к получению нового научного знания.

Литература

- Акты исторические*. 1841. Т. 3. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии.
- Абдужимилев Р.Р. 2020а. Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства. *Крымское историческое обозрение* 1, 180—210.
- Абдужимилев Р.Р. 2020б. Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства. Часть 2. *Крымское историческое обозрение* 2, 185—213.
- Жуков В.Д. 2012. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-е гг. XVII века: К истории колонизации южной окраины Московского государства. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России* 4, 31—43.
- Зайцев И.В. 2003. «Вольная грамота» турецкого султана «некому русину». *Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир*. Москва: Восточная литература, 229—244.
- Зайцев И.В. 2014. «Русский» ислам до XIX в.: исторический экскурс о принятии ислама «этническими» русскими. В: Гутник М.С. (ред.). *Вера. Мысль. Выбор. По материалам Зёрновских конференций 2012—2013 гг. «Философская мысль и религиозный опыт», «Свобода и выбор веры в истории мировых религий»*. Москва: Центр книги Рудомино, 167—185.
- Сень Д.В. 2020. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): Избранные труды*. Ростов-на-Дону: Альтаир.
- Кизилов М.Б. 2016. Письмо польских пленников 1660 года из Бахчисарая как источник по истории работорговли в Крымском ханстве в раннее новое время. *Историческое наследие Крыма* 27, 124—131.
- Моисеев М.В. 2019а. Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева. *Средневековые тюрко-татарские государства* 11, 60—66.
- Моисеев М.В. 2019б. «Иже где лихих нет...». Нападение в степи на дипломатические миссии и их урегулирование в XV—XVI вв. Россия, татарские государства и Османская империя перед криминальным вызовом «вольных сообществ». *Новое прошлое* 4, 28—39.
- Мустакимов И.А. 2018. «Не проходит и дня, чтобы не пришли известия об их выходках»: конфликты между жителями османского Азова XVI в. и принимаемые меры. *Средневековые тюрко-татарские государства* 10, 110—115.
- Мустакимов И.А., Сень Д.В. 2010. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков. *Україна в Центральній-Східній Європі* 9—10, 307—326.

- Мустакимов И.А., Сень Д.В. 2012. Азов и донские казаки по османским документам 1560—1570-х гг. *Вестник Танаиса* 3, 172—189.
- Ivanics M. 2007. Enslavement, Slave Labour and the Treatment of Captives in the Crimean Khanate. In: Geza D., Pal F. (eds.). *Ransom Slavery along the Ottoman Borders*. Leiden: Brill, 193—217.
- Kizilov M.D. 2005. The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries. *International Journal of Maritime History* XVII(1), 211—235.
- Kizilov M.D. 2007a. Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History* XI(1—2), 1—31.
- Kizilov M.D. 2007b. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate. *Journal of Jewish Studies* LVIII/2, 189—210.
- Kizilov M.D. 2017. Reports of Dominican Missionaries as a Source of Information about the Slave Trade in the Ottoman and Tatar Crimea in the 1660s. In: Yağcı Z.G., Yaşa F., İnan D. (eds.). *Osmanlı Devleti'nde Kölelik: Ticaret, Esaret, Yaşam*. İstanbul: Tezkire, 103—116.
- Kołodziejczyk D. 2006. Slave Hunting and Slave Redemption as a Business Enterprise: the Northern Black Sea Region in the Sixteenth to Seventeenth Centuries. *Oriente Moderno* XXV/1, 149—159.
- Matsuki E. 2006. The Crimean Tatars and their Russian Slave Captives: An Aspect of Muscovite-Crimean Relations in the 16th — 17th Centuries. *The Mediterranean Studies Group Hitotsubashi University* XVIII, 171—182.
- Moiseev M.V. 2021. The Image of the Other: the Perception of Tatars by Russian Intellectuals and Clerks in the Fifteenth to Seventeenth Centuries (Chroniclers, Diplomats, Warlords and Writers). In *Images of Otherness in Russia* (in print).
- Yaşa F. 2019. Between Life and Death: Slaves and Violence in Crimean Society in the last quarter of 17th Century. *Selçuk University Journal of Studies Turcology* 47, 433—443.

References

- Akty istoricheskie (Historical Acts)*. 1841. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoy YEIV kantselyarii (in Russian).
- Abduzhimilev, R.R. 2020a. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 1, 180—210 (in Russian).
- Abduzhimilev, R.R. 2020b. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 2, 185—213 (in Russian).
- Zhukov, V.D. 2012. In *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii (RUDN Journal of Russian History)* 4, 31—43. (in Russian).
- Zaytsev, I.V. 2003. In *Tyurkologicheskij sbornik (Turkological Collection) 2002. Rossiya i tyurkskiy mir (Russia and the Turkic World)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 229—244 (in Russian).
- Zaytsev, I.V. 2014. In: Gutnik, M.S. (ed.). *Vera. Mysl'. Vybor. Po materialam Zornovskikh konferentsiy 2012—2013 gg. "Filosofskaya mysl' i religioznyy opyt", "Svoboda i vybor very v istorii mirovykh religiy" (Faith. Think. Choice. Based on the Materials of the Zernov Conferences 2012—2013. "Philosophical Thought and Religious Experience", "Freedom and Choice of Faith in the History of World Religions")*. Moscow: Centr knigi Rudomino, 167—185 (in Russian).
- Sen', D.V. 2020. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranich'e: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konec XVII—XVIII v.): Izbranny'e trudy (Russian-Crimean-Ottoman borderland: areas, phenomena. People (ending of the XVII—XVIII centuries)*. Rostov-on-Don: Al'tair (in Russian).
- Kizilov, M.B. 2016. In *Istoricheskoye naslediyе Kryma (Historical heritage of Crimea)* 27, 124—131 (in Russian).
- Moiseev, M.V. 2019a. In *Srednevekovy'e tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 11, 60—66 (in Russian).
- Moiseev, M.V. 2019b. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 28—39 (in Russian).
- Mustakimov, I.A. 2018. In *Srednevekovy'e tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 10, 110—115 (in Russian).
- Mustakimov, I.A., Sen', D.V. 2010. In *Ukraina v Central'no-Shidniy Evropi (Ukraine in Central and Eastern Europe)* 9—10, 307—326 (in Russian).
- Mustakimov, I.A., Sen', D.V. 2012. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 3, 172—189 (in Russian).

- Ivanics, M. 2007. Enslavement, Slave Labour and the Treatment of Captives in the Crimean Khanate. In: Geza, D., Pal, F. (eds.). *Ransom Slavery along the Ottoman Borders*. Leiden: Brill, 193—217.
- Kizilov, M.D. 2005. The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries. *International Journal of Maritime History* XVII(1), 211—235.
- Kizilov, M.D. 2007a. Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History* XI(1—2), 1—31.
- Kizilov, M.D. 2007b. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate. *Journal of Jewish Studies* LVIII/2, 189—210.
- Kizilov, M.D. 2017. Reports of Dominican Missionaries as a Source of Information about the Slave Trade in the Ottoman and Tatar Crimea in the 1660s. In: Yağcı, Z.G., Yaşa, F., İnan, D. (eds.). *Osmanlı Devleti'nde Kölelik: Ticaret, Esaret, Yaşam*. İstanbul: Tezkire, 103—116.
- Kołodziejczyk, D. 2006. Slave Hunting and Slave Redemption as a Business Enterprise: the Northern Black Sea Region in the Sixteenth to Seventeenth Centuries. *Oriente Moderno* XXV/1, 149—159.
- Matsuki, E. 2006. The Crimean Tatars and their Russian Slave Captives: An Aspect of Muscovite-Crimean Relations in the 16th — 17th Centuries. *The Mediterranean Studies Group Hitotsubashi University* XVIII, 171—182.
- Yaşa, F. 2019. Between Life and Death: Slaves and Violence in Crimean Society in the last quarter of 17th Century. *Selçuk University Journal of Studies Turcology* 47, 433—443.